

А. А. ЩЕЛЧКОВ

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ В XIX ВЕКЕ

Латинская Америка – один из самых удаленных от России регионов мира, регулярные связи с ней берут начало лишь в XX в. До того, несмотря на огромный взаимный интерес, контакты между народами России и южноамериканцами были ничтожны, не только из-за географических, но и политических препятствий и, в частности, упорного отказа правительства Российской империи признавать американские республики, бывшие «мятежные» провинции испанской монархии. Лишь единицы из южноамериканцев смогли своими глазами увидеть реальность «северного гиганта», однако не было такого крупного латиноамериканского мыслителя, который бы не обращался к истории и политике России. Уникальны заметки о путешествии в Россию видного общественного деятеля, одного из предшественников перуанского социализма Хуана Бустаманте, оставшегося очарованным не только страной, но и – что парадоксально, – её политическим строем, самодержавием.

Ключевые слова: латиноамериканский либерализм, русская Америка, Бустаманте, самодержавие, романтизм, утопический социализм

Россия первой половины XIX века была для образованной публики Запада terra incognita, привлекавшей путешественников не менее Нового света или экзотического Востока. Более того, Россия оставалась малодоступной для любопытных путешественников и исследователей точкой в Европе, возможно, даже более закрытой, чем обширные владения Османской Порты на Востоке. К привычным сложностям посещения России в отношении испаноамериканцев добавлялись непреодолимые политические препятствия: Российская империя категорически отказывалась признавать существование латиноамериканских республик и по прошествии многих десятилетий по-прежнему рассматривала их как мятежные провинции испанской монархии, которая сама давно уже признала их независимость. Руководствуясь принципами легитимизма и монархизма, Россия не признавала новые республики ни де-юре, ни де-факто, поддерживая дипломатические отношения только с Бразильской империей, где «легитимно» правил дом Орлеан-и-Браганса, не считая краткого периода дипломатических отношений с «Мексиканской империей» Максимилиана Габсбурга в 1860-е гг. Соответственно, ни один гражданин или даже уполномоченный представитель южноамериканских республик не мог получить разрешение на посещение страны. Закрытые двери России лишь увеличивали интерес образованных латиноамериканцев к этой далекой и малопонятной стране.

У нас преобладает интерес исследователей к заметкам русских путешественников и писателей о далеких странах, к описаниям Южной

Америки побывавшими там редкими мореплавателями и дипломатами. К сожалению, нет исследований о взгляде на Россию представителей латиноамериканского региона, что является наследием евроцентристского и «колониалистского взгляда» на культуру, цивилизацию в целом. Между тем, исследование взгляда на Россию с «далеких берегов» позволит в более полном виде представить «образ других» через восприятие нашей действительности и нашей собственной идентичности. Для описаний путешественников, иностранцев часто используется образ «зеркала», в котором мы четко видим свою реальность. Возможно, это так. Но чаще всего мы видим не отражение иной, «чужой» для авторов описаний реальности, а искаженный образ собственной – иная действительность всегда рассматривается сквозь призму образов и коллективного воображаемого наблюдателя, но никак не точное отражение. Через образ нашей страны глазами латиноамериканцев, через их реакцию на наши реалии более ярко вырисовываются их особенности восприятия мира и их собственной социальной действительности.

Другой важной составляющей образа «другого», в данном случае России, были не непосредственные контакты представителей латиноамериканского сообщества с реалиями России, а устойчивый комплекс коллективного воображаемого, состоящего из сложных и порой взаимоисключающих элементов, но всегда соответствующих представлениям о добре и зле того или иного общества. Латиноамериканцы XIX века черпали знания, информацию о нашей стране из европейских и североамериканских источников, не имея возможности напрямую познакомиться с реалиями далекой и недоступной России. Лишь единицы смогли преодолеть барьеры природы и географии, поставленные на пути нашего взаимодействия, и политические препятствия, умело введенные российскими властями перед иностранцами.

«Северная империя» в общественном мнении латиноамериканских республик

Единственным государством региона, сталкивавшимся на общей границе с Россией и русскими как соседями, была Мексика – ее север до аннексии США выходил на владения Русской Америки. Появление русских поселений и факторий в Калифорнии мексиканцы восприняли как прямую угрозу. Именно поэтому видный деятель движения за независимость страны Карлос Мария Бустаманте, будучи заключен в тюрьму испанскими властями, в 1819 г. начал писать книгу о России и её присутствии в Америке. Работа так и не была окончена, а часть рукописи опубликована лишь в 1994 г. В ней автор высказывал опасения по поводу в Калифорнии Новый Санкт-Петербург с бурной торговлей, ремеслом и процветающей русской провинцией¹. Вскоре место русских на

¹ Sobre Rusos y Rusia... P. 95-102.

севере Мексики заняли американцы, опасность утраты этих территорий возрослакратно, и о русской угрозе мексиканцы забыли навсегда.

Среди латиноамериканцев после завоевания странами континента независимости преобладало небезосновательное убеждение, что Россия является оплотом реакции и деспотизма в Старом Свете. Так, учитель Боливара и великий просветитель венесуэлец Симон Родригес называл Россию первой половины века «всеобщим инквизитором»². Существует легенда, что Родригес в период своего пребывания в Европе с 1807 по 1821 г. умудрился побывать в пределах Российской империи. Адъютант Боливара Д.Ф. О'Лири утверждал в своих воспоминаниях, что Родригес побывал в России. Сам Родригес рассказывал, что «управлял начальной школой в небольшом городке в России»³. Возможно, речь идет о западных губерниях Царства Польского, куда тот мог попасть из Пруссии, в которой он достоверно был, а возможно, что это позднейший вымысел его биографов. Для Симона Родригеса Россия была страной рабства и угнетения не только миллионов крестьян и ремесленников, но и целых народов, самым отвратительным и жестоким среди прочих он называл гнет над поляками и евреями. Вместе с тем, Родригес высоко ценил дух и способность русского народа к изменениям. Он писал: «Сказано, что естественная смерть нации всегда носит политический характер, но её дух, как и дух тех людей, которые её составляют, бессмертен. Общественный дух никогда не умирает, хотя тело нации уже не может ее удерживать, а стремится к новому, иному... Нация может изменяться, перемещаться в иные миры: Россия может это делать и в духе, и в теле...». Петр Великий, добавляет он, привнес в русских иной, новый дух и изменил страну⁴. Родригес верил в творческий потенциал русских, вопреки устоявшимся среди либералов убеждениям, что Россия остается центром косности и реакции.

Симон Родригес был великим просветителем, «учителем учителей», наставником Освободителей новой свободной Америки, его идеи оказали огромное влияние на общественную либеральную мысль таких стран как Чили, Перу, Боливия, Колумбия и Венесуэла. И его подход к России как великой стране талантливого народа, необъяснимым образом терпящего косный и деспотический режим, угнетающий не только многочисленных инородцев на территории империи, но свой собственный, был воспринят последующими поколениями латиноамериканских мыслителей, от либералов и социалистов до консерваторов.

Один из апостолов аргентинского либерализма Х.Б. Альберди всегда ставил рядом две страны, Россию и Турцию. В частности, он утвер-

² Rodríguez 1990. P. 12.

³ Rodríguez 1990. P. 318. Иных сведений об этом нет.

⁴ Rodríguez 1990. P. 194.

ждал, что только в этих двух странах все думают одинаково, в то время как во всех странах мира не найдется двух человек думающих одно и то же. Причина же – невыносимый русский деспотизм⁵. Альберди не просто взирал на далекую деспотию, а анализируя свою национальную действительность, искал подобные проявления в Аргентине: Россия не уникальна, в Южной Америке такой же режим был установлен диктатурой М. Росаса, патерналистски опекавшей безграмотное население, враждебно относившегося, как и в России, к идеям свободного мышления как иностранной ереси и подрывающей устои нации напасти.

Латиноамериканские либералы, даже самые крайние из них, как например, чилиец Х.В. Ластаррия, были убеждены в несокрушимом ходе прогресса и демократии в Европе. Ссылаясь на А. Токвиля, он утверждал, что умеренная конституционная монархия, установившаяся во Франции в первой половине XIX в., стала примером для подражания для всех монархий Европы, в т.ч. и российской, которую меньше всего можно заподозрить в симпатиях к Французской революции 1789 года⁶. И будущее России – в общем «хоре» либеральных государств.

Среди чилийских крайних либералов был уникальный мыслитель, предшественник чилийского социализма Франсиско Бильбао. Он разделял большинство расхожих среди либералов предубеждений против России, в которой видел угрозу всему миру. Однако опасность для человечества исходила не только от России, но и от самого демократического и образцового, по мнению либералов, государства – Соединённых Штатов. Он писал: «Российская империя и США, находящиеся в разных частях мира и представляющие разные политические системы, мечтают распространить на весь мир: одна, под прикрытием панславизма – рабство, а другая – господство индивидуализма янки. Россия далеко от нас, её щупальца нас не достанут, а США – близко и с каждым днем все более наступают на юг, на наши республики»⁷. Бильбао считал, что будущее мира будет написано двумя державами: Россией и США, и обе он считал варварскими, хотя в России было варварство деспотичной власти, а в США господствовало варварство демагогии. Обе эти державы созданы для мирового господства, и в их столкновении – будущее мира⁸. Удивительное предвидение для середины XIX в. Бильбао видел в России страшного монстра угнетения не только собственного народа, но жестокого колонизатора и агрессора, от которого страдают народы «героического Кавказа» и униженной Польши⁹.

⁵ Alberdi 1920. P. 308.

⁶ Lastarria Vol. 1. 1916. P. 113.

⁷ Bilbao 1920. P. 95.

⁸ Bilbao 1920. P. 107-111.

⁹ Bilbao 1920. P. 228.

Среди видных чилийцев XIX в. выделялся Висенте Перес Росалес, который долгое время находился в Европе с миссией, главная задача которой состояла в организации эмиграции на юг Чили в основном немецких колонистов. Перес Росалес был дипломатом в Гамбурге, где часто, но безуспешно вел переговоры с русским послом о возможных поездках чилийцев в империю и о признании Чили Россией. В своих воспоминаниях он сокрушался о неизбывном преклонении чилийцев перед всем европейским и особенно французским, при этом сам он испытывал восхищение русскими в их борьбе и защите Севастополя, который называл не иначе как «современной Троей».

Перес Росалес безуспешно добивался допуска чилийских граждан в российские порты. Российский посол предложил чилийцам пропуска в Россию с унижительной для чилийского патриотизма процедурой: эти паспорта должен был заверить посол какой-нибудь дружественной России страны, например, Бразильской империи, что, конечно, было с гневом отвергнуто чилийским дипломатом¹⁰. Между тем, Росалес, обуяемый страстью к российской культуре, искал контакта с её гражданским обществом, переписывался с Императорским Географическим обществом, посылал туда литературу о Чили, высоко ценил дружеские отношения с русскими дипломатами в Германии. Один из них заверил его, что несмотря на временное непризнание чилийской республики, Россия «инстинктивно и исходя из серьезного интереса» испытывает дружеские чувства и симпатию к южноамериканским странам¹¹.

Для бразильцев Россия не была слишком большой аномалией, к тому дружественной державой по отношению к Бразильской империи. Для бразильских либералов, консерваторов и даже утопистов Россия была примером, который оправдывал существование рабства, ибо до конца XIX в. в этой стране существовал консенсус среди белой элиты в отношении рабства и монархии. Даже борец за независимость испанских колоний под руководством Симона Боливара, предшественник социалистических идей в Бразилии, прозванный «генералом народа», Жузе Инасиу Абреу-и-Лима оправдывал русских монархов, сохранявших «крестьянское рабство», крепостничество, тем, что крестьяне сами не хотели свободы, о чем свидетельствовал провал закона о вольных хлебопашцах при Александре I¹². Среди некоторых латиноамериканцев бытовало представление о добром, патерналистском «гнёте» помещиков над не желающими свободы и равноправия крестьянами. Этот взгляд нашел отражение в работах бывшего борца за республику в Испанской Америке, бразильца Абреу-и-Лимы.

¹⁰ Pérez Rosales. 1886. P. 421-422.

¹¹ Pérez Rosales. 1886. P. 423.

¹² Abreu e Lima. 2010. P. 163.

Важной темой бразильской внутренней политики было влияние церкви и Ватикана, а главной проблемой внешней мировой политики середины века – т.н. «Восточный вопрос» и Крымская война. И в обоих вопросах Россия была в центре внимания бразильских публицистов. Абреу-и-Лима считал Россию образцом в организации отношений церкви и государства, при полном подчинении первой. Право России на протекцию Святых мест в Палестине не вызывало у него сомнений, хотя в реальности экспансия России на юг и борьба с Турцией, по его мнению, имела мало побудительных причин в религиозной сфере, а отвечала потребностям расширения империи на юг, что угрожало балансу сил в Европе¹³. Для Абреу-и-Лимы Российская империя – опасный и грозный противник европейских стран, агрессия которой угрожает всем прогрессивным странам мира, хотя внешне она направлена против Турции¹⁴. Что касается внутреннего развития России, то Абреу-и-Лима упоминал о борьбе западников и славянофилов, которая определяла выбор направления внешней политики. Он высказывал убеждение, что рано или поздно, и скорее в ближайшее время (работа писалась в конце 50-х годов) в России будут проведены реформы, и самодержавие уступит место цивилизованному правлению, а страна пополнить ряды прогрессивных стран Старого Света¹⁵.

Российский колосс глазами первых путешественников-южноамериканцев

Первопроходцем в знакомстве с Россией со стороны латиноамериканцев был национальный герой Венесуэлы и предтеча латиноамериканской независимости Франсиско Миранда, проехавший через всю страну с южных рубежей на Черном море до Петербурга, где при благосклонности императрицы Екатерины II был принят в высшем свете, поступил на русскую военную службу, несмотря на протесты мадридского двора, преследовавшего венесуэльца как мятежника и сепаратиста. Екатерина взяла его под свою опеку и защитила от претензий испанского правительства. Миранда вел дневник своего пребывания в России, который, однако, был опубликован только 1930-е гг.¹⁶

В первой половине XIX в. перуанец Хуан Бустаманте стал первым латиноамериканцем, побывавшим в России. Он посетил обе столицы, Москву и Петербург, и по завершении своего путешествия опубликовал многотомный труд, в котором немало страниц посвятил визиту в Россию, изложив свой оригинальный взгляд на жизнь и нравы Северной империи. Описание путешествия в Россию предназначалось не только

¹³ Abreu e Lima. 2010. P. 240-247.

¹⁴ Abreu e Lima. 2010. P. 256.

¹⁵ Abreu e Lima. 2010. P. 271-282.

¹⁶ Этот сюжет подробно описан в нашей историографии выдающимся отечественным латиноамериканистом М.С. Альперовичем. – Альперович. 1986.

для развлечения и просвещения перуанской (любой испаноязычной) читательской аудитории, но было частью поиска на примерах чужих стран альтернатив национальному развитию его собственной страны, Перу. Если Франция и Англия, как и другие европейские страны (за исключением бывшей метрополии – Испании) всегда воспринимались латиноамериканскими либералами как образец развития, иные социально-политические и культурные модели, как например, Россия, вызвали интерес, позволяя больше размышлять о собственной самобытности, чем о копировании европейских образцов¹⁷.

Хуан Бустаманте прославился не только своими путешествиями, но и бурной политической карьерой, своеобразными общественными взглядами, героическими поступками. Для перуанцев он остался в истории их страны «как защитник и друг индейцев», борец за равенство и социальную справедливость, как предшественник индеанизма и национального социализма. Хуан Бустаманте был родом из горной части Перу, вел свою родословную от конкистадоров и индейской знати. Последующие поколения перуанцев стали приписывать ему и его семье родство с инками, что, возможно, является позднейшей легендой, порожденной мужественной борьбой самого Бустаманте за интересы индейцев и его трагической судьбой. Традиционные для его круга людей занятия политикой или коммерцией не удовлетворяли его, хотя он добился больших успехов в торговле, был избран депутатом Конгресса от родной провинции Лампа. Его манили дальние края, новые незнакомые люди, иные культура и традиции. В своих воспоминаниях Хуан Бустаманте отмечал, что им с раннего возраста «овладела страсть к путешествиям, к познанию нового мира, неизведанных привычек и обычаев многочисленных народов, населяющих нашу землю; они звали пройти их земли от края до края»¹⁸. За это стремление к путешествиям его в Перу прозвали «обошедшим весь мир», на кечуа *Mundo Purikuj*. Эту страсть к «перемене мест» Бустаманте сохранил на всю жизнь.

Сделать реальностью мечту увидеть мир, прежде всего Европу, а там, как знать, и древние страны Азии, позволило ему немалое состояние, унаследованное от родителей. Продав часть поместий, а затем покинув кресло депутата Конгресса, Бустаманте отправился в свое первое путешествие через Карибские острова и США – в Европу. В Старом Свете он поселился на некоторое время в Англии и во Франции, а затем двинулся на восток, через Балканы, Османскую империю в Палестину. В Риме он добился аудиенции у папы Григория XVI, а в Иерусалиме

¹⁷ К сожалению, у нас в стране, за пределами узкого круга специалистов по латиноамериканской истории, труды Хуана Бустаманте совершенно незнакомы. Мой перевод заметок Бустаманте о России см.: Щелчков. 2011. С. 180-208.

¹⁸ Bustamante. 1849. P. 1.

ме был посвящен в рыцари Гроба Господня, вполне в духе его романтических настроений. Он проехал через древние страны востока, Египет, Индию, добрался до Китая. Из Гонконга он отплыл в Южную Америку, пересек Великий (Тихий) океан, и через Чили в 1844 г. вернулся домой. На память не приходит ни один другой подобный маршрут южноамериканского путешественника в XIX столетии. Уже через год, в 1845 г. в перуанской столице увидели свет его путевые заметки об этом путешествии. Успех книги у образованной публики был столь впечатляющим, что в один год вышло два издания этой книги¹⁹.

Бустаманте не удовлетворился успехом первого своего путешествия. В 1848 г. он снова уехал из Перу в Европу. Его вновь ждали Англия и Франция. Среди новых стран в его планы входило посещение Северной Европы, Голландии, Дании, Швеции и, наконец, России. Завершив это новое путешествие по дальним странам, он издал новую книгу обо всех его встречах и впечатлениях. Именно в этой книге он описал Москву и Петербург, русские обычаи и порядки.

Россия в те годы неохотно открывала двери иностранцам, а тем более гражданам южноамериканских республик, легитимность которых в полном соответствии с принципами Венского конгресса Петербург не признавал. Чтобы обмануть бдительность российских властей, Бустаманте запасася четырьмя разными паспортами, в том числе, по-видимому, от бывшей метрополии, что и позволило ему получить пропуск для въезда в империю от российского консула в Любеке²⁰. Из Гамбурга он отплыл в Петербург в компании возвращавшихся на родину русских, которые в течение поездки с большим энтузиазмом и нежностью описывали ему Россию. В результате Бустаманте был полон самых радужных ожиданий, заранее чувствуя большие симпатии к этой стране²¹.

В Кронштадте Бустаманте впервые столкнулся с российской бюрократией и подозрительностью ко всему иностранному. Его подвергли изнурительной многочасовой проверке пограничные власти и таможня. Несмотря на все представленные документы, рекомендательные письма и финансовые гарантии пребывания, Бустаманте, как и другие его спутники с корабля, должны были подробно рассказать о своей профессии, вероисповедании, происхождении, о цели визита в Россию и намерениях. Особо удивил его тот факт, что помимо строгого полицейского контроля на границе, хозяева гостиницы отобрали у него паспорт, объясняя это своей обязанностью зарегистрировать гостя в полиции²². Как настоящий путешественник-оптимист, даже в этом утомительном спектакле

¹⁹ Bustamante. 1845.

²⁰ Bustamante. 1975. P. 13.

²¹ Bustamante. 1849. P. 433 – 435.

²² Bustamante. 1849. P. 437 – 460.

бюрократического рвения он смог увидеть положительные стороны, неожиданные откровения для русского читателя: никто из полицейских чиновников не прикоснулся к угощениям, предложенным им капитаном корабля, и все решительно отказались от подарков²³.

Российская северная столица, имперский помпезный Петербург произвел на перуанца огромное впечатление: «У меня захватило дух от вида множества сверкавших золотых куполов. Особо выделялся огромный купол Исаакиевского собора. Вид города при входе в устье Невы удивляет величием и красотой»²⁴. Поселившись в гостиницу и обустроившись на новом месте, Бустаманте отправился на поиски Генриха Шлимана²⁵, представителя нидерландской торговой компании Кемпена, к которому у него были рекомендательные письма. Вскоре они подружились, и Шлиман стал его гидом, сопровождая Бустаманте по самым видным достопримечательностям Петербурга²⁶.

В сфере интересов Бустаманте оказались столичные театры, в основном императорский балет, а также французская труппа, дававшая постоянные представления. В то время в Петербурге блистала великая балерина Фанни Эйслер. Мимо его внимания не прошел огромный интерес русской публики ко всему модному и современному в театральной европейской жизни. Петербург был «Меккой» для многих великих европейских мастеров благодаря высоким гонорарам и успеху у публики. Бустаманте отмечал, что русские прилагают большие усилия, чтобы обучиться достижениям европейской культуры, особенно в области театра, музыки, балета. Он выражал уверенность, что такое отношение к искусству «приведет просвещение в этой стране к самому блестящему состоянию». Бустаманте указывал, что бросалась в глаза готовность русских не останавливаться ни перед какими расходами, чтобы привлечь иностранных мастеров искусства в свою страну, учиться у них, создавая собственные театр, балет, оперу, живопись²⁷.

Испытывая почтение и даже страх перед троном и персоной царя, Бустаманте не скрывал восторга от неожиданной будничности появления Николая I на публике: «Николая по сравнению с другими монархами чаще всего можно увидеть на улицах города. Я дважды встречал его на Невском проспекте, когда он проезжал в небольшой коляске, запряженной двумя лошадьми безо всякого сопровождения, лишь с кучером и лакеем на козлах. Он был в серой шинели, а на голове была надета драгунская каска. Никогда бы не догадался, что этот скромный человек

²³ Bustamante. 1849. P. 439.

²⁴ Bustamante. 1849. P. 441 – 442.

²⁵ Генрих Шлиман (1822–1890) – знаменитый открыватель Трои и сокровищ Приама. В качестве торгового агента в 1846 г. уехал в Петербург, где жил до 1850 г.

²⁶ Bustamante. 1849. P. 457 – 458.

²⁷ Bustamante. 1849. P. 525.

и есть августейший император всяя Руси, если бы сопровождавший меня Генрих [Шлиман] не сказал: вон едет Николай...»²⁸.

Из Петербурга Бустаманте отправился в старую столицу – Москву, которую ожидал найти в руинах после облетевшей весь мир истории о пожаре во время нашествия Наполеона 1812 года. Несмотря на то, что прошло уже более трех десятилетий, он был убежден, что невозможно в такой срок залечить столь глубокие раны войны. Его книга полна восторга и потрясений от увиденного процветающего, ни на один из доселе им виденных столиц не похожего города, «с огромным числом прекрасных дворцов, улиц со множеством богатых немецких, французских и итальянских лавок»²⁹.

В первый же день он отправился в Кремль. Прохожие учтиво и приветливо направляли его в пути, отвечая на его вопросы на прекрасном французском языке. Правда, он тут же оговаривается, что обращался лишь к «благородным» горожанам. Москва встретила его первыми морозами. Однако напуганный образом жестокой русской зимы и славы ледяной столицы, Бустаманте сумел увидеть в этом редкий и радостный случай нового опыта, который вызвал новые восторги: «Утро встретило меня ярким солнцем и чистым небом среди заснеженных домов и улиц. И какой холод! Такого холода мне не приходилось испытывать никогда!» Кремль с его соборами произвел на него огромное впечатление. С высоты колокольни Ивана Великого он наслаждался городской панорамой древней русской столицы. Он писал: «Моя душа переполнилась удивлением и восхищением от увиденного: покрытые снегом здания казались сделанными из серебра, а купола, покрытые снегом, из-под которого блестело золото, переливались на солнце. Захватывающее зрелище, никогда в самом богатом воображении не представлявшееся мне ранее. Никогда не видел ничего подобного. Все казалось каким-то волшебным миражом в пустынях Египта, настолько все было нереальным. Нет другого такого места как Москва! Как парализованный, я простоял на башне четыре часа, не в силах оторвать свой взгляд от покрытого снегом величественного города»³⁰.

Зима преподнесла немало сюрпризов путешественнику из тропических краев. Бустаманте отмечал невероятные трудности передвижения по Москве после снегопада, когда дворники едва могли расчистить небольшие тропинки для пешеходов. А по возвращению в Петербург его ждало интересное открытие: «Поразила невероятная, почти гробовая тишина на улицах города, в то время как, покидая этот город несколько дней назад, я запомнил сильный городской шум от пёстрой

²⁸ Bustamante. 1849. P. 459–460.

²⁹ Bustamante. 1849. P. 486–487.

³⁰ Bustamante. 1849. P. 490–496.

нескончаемой толпы людей, от карет и колясок, пересекавших город в различных направлениях. Теперь это был заснеженный Санкт-Петербург, по мостовым которого не громыхали элегантные кареты и прочие повозки, а бесшумно скользили сани, горожане уже не стучали каблуками по мостовой, тихо и мягко ступали по снегу»³¹.

Дорога из Москвы в Петербург подарила Бустаманте близкий контакт не только с русским бытом, но и с нравами общества того времени:

«Во время переезда из Москвы в Санкт-Петербург не произошло ничего значительного. В дилижансе прошли три дня и три ночи, ровно столько же, сколько я потратил на дорогу сюда. Все путешествующие обедали в придорожной гостинице. Все пассажиры были благородными и достойными людьми. Среди нас выделялся один генерал-аристократ, сопровождаемый несколькими адъютантами, которые отчаянно бросались занимать места в столовой гостиницы, наверное, думая, что не хватит либо места за столом, либо еды. Когда я вошел в обеденный зал, то не нашел ни одного свободного места. Все было занято другими пассажирами. Между тем, за центральным столом, где сидели генерал и его приближенные, я увидел свободное место, которое без лишних церемоний и занял, исходя из принципа: плачу свои деньги и делаю, что хочу. Генерал, видимо, был шокирован моей простотой, ибо долго смотрел на меня с высоко поднятыми бровями, с видом, который говорил сам за себя. Поскольку я не обращал на него никакого внимания, а принялся заказывать блюда, которые мне хотелось бы попробовать, этот расшитый золотом мундир призвал распорядителя поездки и потребовал список всех пассажиров, выехавших из Москвы. <...> Я решил снять подозрения и вопросы. Громко обратился к распорядителю гостиницы и заказал бутылку мадеры. Мне тут же налили бокал, а я, изощряясь в любезности, пригласил генерала выпить со мной мадеру, а он пил бордо. Генерал продолжал изучать список путешествующих, и наконец-то, нашел меня: Х. Бустаманте, американец, капиталист и т.д., путешественник. После этого все поменялось, генерал вдруг стал самой любезностью, которую источали даже его глаза, развеяв всю неприступность и грозность. Он сам и его сопровождавшие сразу же стали проявлять мне различные знаки внимания и уважения»³².

После посещения двух русских столиц Бустаманте через Ригу и Польшу вернулся в Европу, а затем отправился на родину. Перед отъездом он договорился с депутатом конгресса Агустином Талаверой подробно изложить свои впечатления от поездки в книге, а также рассказать об интересном зарубежном общественном и политическом опыте, в т.ч. обещал привезти образцы законов и постановлений, которые могли бы быть полезны для реформ в Перу. В завершение повествования Бустаманте изложил свое понимание политической и социальной ситуации в Перу, предложив программу реформирования общества.

³¹ Bustamante. 1849. P. 509.

³² Bustamante. 1849. P. 502-508.

Во время своих путешествий Бустаманте познакомился с особенностями устройства самодержавной России, посетил Европу, когда там полыхала революция 1848 г., став свидетелем восстания парижского пролетариата. Он осуждал борьбу парижских рабочих за новую «коммунистическую и социальную систему без частной собственности и без института семьи», хотя понимал мотивы, побудившие их подняться на восстание: отсутствие у рабочих политических и социальных прав, эгоистическое желание правящих кругов не учитывать потребности пролетариата, закрывших накануне восстания Национальные мастерские, дававшие тысячам парижских тружеников работу и пропитание³³.

Его рассказ о жизни парижских и лондонских пролетариев, об их нищете и бесправии контрастировал с восторженными строками, посвященными Российской империи, представавшей неким оазисом благоденствия, христианского мира и спокойствия. Республиканец и убежденный либерал в перуанской политике, поклонник работ европейского романтического социализма, Бустаманте в своих рассуждениях о российской политической системе неожиданно предстает защитником самодержавия. Он утверждал, что в России ровно столько же свободы, как и в европейских странах, а деспотизм русского самодержавия в отношении пребывавшего в состоянии «варварства» народа этой северной страны носил отеческий характер, был мягким и патерналистским:

«Население этой колоссальной империи достигает 64 миллионов душ разных классов. Между тем, в России на каждого свободного человека приходится 10 крепостных. Самое же болезненное состоит в том, что из такого огромного числа людей, обреченных на рабство, 40 или более миллионов человек являются абсолютной и исключительной собственностью 800.000 знатных людей. До того, как Петр Великий привнес цивилизацию в российскую империю, думаю, ни один даже свободный человек не был столь счастлив, как сегодня чувствуют себя те, кого мы называем рабами. Бесчисленные фабрики, бесконечные здания, появляющиеся сегодня, дают работу множеству рабочих, обеспечивая хлебом их семьи. Не кажется ли вам сегодняшнее положение России в сто раз лучше, нежели три, два или столетия назад? Да, российское правительство мудро, отечески заботливо, но своевольно. А как еще можно управлять столь варварским народом, каким является народ России? И если поменяется форма управления, будут ли возможны такие же достижения и величие, богатство и процветание, коего достигла страна при нынешнем правителе, и которые прославили Россию во всем мире?.. Нет такого путешественника, который бы не описывал положение в империи в самых черных красках, преувеличивая коррупцию правительства и угнетение подданных, деспотизм правления. Все приходят в ужас и замирают от страха, лишь прочитав писания на эту тему под заголовком “Тайны России”, являющиеся не больше чем пропагандистской уткой. Вы увидите там и инквизиторскую полицию, совершающую лишь преступления и раз-

³³ Bustamante. 1849. P. 615-616.

ного рода злоупотребления, до такой степени, что приходится удивляться, что Россия до сих пор не превратилась в одно большое кладбище!

Глупо отрицать явные несправедливости и крупные преступления российского правительства, но если уж и призвать его к ответу, то назовите хотя бы одну страну, которой нельзя было бы предъявить подобные или еще более серьезные обвинения? ... В действительности, существующие клише о России – это выдумки и наветы предубежденных людей, берущихся за перо лишь ради клеветы. Все они – европейские писатели или путешественники, смертельно ненавидящие Россию, а потому говорят о ней жестко, без украшательства, но и не уважая святую правду. В России есть столько же свободы, в том числе и личной свободы, как и в других европейских странах... Об этой империи пишут ужасные вещи, но я не верю ни одной из них, также не могу подтвердить их, хотя с этой целью и при разных обстоятельствах выспрашивал у своих бесхитростных друзей. Что касается меня, мне не на кого и не на что пожаловаться, ни на российское правительство, ни на полицию или секретный сыск; я ходил везде и в любой час, когда мне хотелось, никто не ограничивал мою волю, я говорил с полной свободой по политическим вопросам, и ни один русский не препятствовал мне высказываться.

Отчего же так несправедливо писали об этой великой империи путешественники и историки, упрекая ее в скандальном и позорном режиме рабства, угнетающем в XIX в. огромное большинство населения?.. Слово «раб», конечно же, вызывает ужас, когда задумываешься над его содержанием. Однако если этот раб более благополучен и богат, чем свободный, то какое значение имеет этот термин? Есть тысячи форм рабства в этом мире, и рабы есть во всех странах. Где еще есть более несчастные и вызывающие самое большое сострадание люди, нежели на островах под британским владычеством? Кто как ни рабы – тысячи нищих, населяющих все европейские государства? А как назовете вы азиатов или африканцев? Нет ли случайно таких же несчастных в свободной Америке? Достаточно бросить взгляд на нашу республику, и вы увидите, как под именем свободных и признаваемых законом граждан, на самом деле, скрываются большие рабы, нежели в этой северной стране. Где же то место, куда рабство не проникло? Франция? Где самая ужасающая нищета не есть действительное рабство? Именно это рабство стало причиной того, что французы убивают друг друга, при этом мы считаем по сравнению с другими народами их меньше всех страдающими от угнетения и обладающими самыми передовыми идеями, но они вынуждены выбирать: либо восстать с оружием в руках, либо умереть от голода. Я сам слышал, как они так говорили в дни революции, и еще чаще после нее. Блага – вот, что нужно человеку, который будет счастлив, имея их, и ему будет все равно, как его называют»³⁴.

Как видно из приведенного отрывка, Бустаманте, оставаясь сторонником свободы и равенства, в практической политической плоскости видел преимущества в патерналистском деспотизме, заботящемся о своих подданных, что противостояло в его воображении эгоизму и недальновидности свободных стран, в т.ч. латиноамериканских респуб-

³⁴ Bustamante. 1849. P. 528-533.

лик. Он открыто заявлял, что предпочитает жесткий, но отеческий режим русского царя, якобы заботящегося о мире и благополучии своих подданных, нежели свободные страны Европы, где во имя свободы унижается человеческое достоинство, царит нищета и бесправие пролетариата. Его идеалистический образ «доброй» деспотии, русского самодержавия противостоял равнодушной и механистической системе «свободы умирать от нищеты и голода»³⁵. Впечатления Бустаманте об «отеческом режиме русского самодержавия» были почерпнуты от общения с «образованными и благородными сословиями», от созерцания лишь городской жизни столиц. Ему остались неведомы реальная жизнь русского народа, положение крестьянства. Вместе с тем, вполне понятно, что отсутствие в российских городах язв раннего капитализма, которые он наблюдал в Европе, вызывало у него симпатии к общественному строю России. Декларативной, мало связанной с реальностью свободой при полном равнодушии общества к страданиям пролетариата и народных низов Бустаманте предпочитал деспотию, гарантирующую, при отсутствии такой свободы, благосостояние народа. Таким образом, борец за правду, свободу и равенство в Перу оказался защитником самого реакционного в Европе XIX в. строя – русского самодержавия.

После этого путешествия Бустаманте больше не уезжал из Перу. Он уверился в необходимости использовать полученный за границей ценный опыт для политических и общественных преобразований на родине. Как считают некоторые историки, именно путешествие в Европу и знакомство с новыми социальными реалиями привели его на путь борьбы за освобождение индейцев. Бустаманте призвал политиков обратить свои взоры к положению коренного населения страны, страдавшего от экономического, политического и расового неравенства. Убедившись в том, что политическая деятельность по защите индейцев среди креольских политиков, пропаганда в рамках «Общества защиты индейцев» не могут радикально изменить их положения, он решил возглавить вооруженное сопротивление. В своей последней статье Бустаманте заключал: «Нет освобождения без освободителя, нет достоинства без жертвы! Итак, вперед!»³⁶. В конце 1867 г. Бустаманте возглавил восстание индейцев в своем родном департаменте. В опубликованном перед началом восстания «Манифесте» он заявил: «Гуманистическое чувство, братство, которые освящает наша религия... обязывают меня принять на себя бремя решения проблем индейцев. Мой лозунг и моя программа состоят в том, что индейцы не будут исключены из социальных благ, которыми пока пользуются только белые»³⁷. Перуанские

³⁵ Bustamante. 1849. P.531.

³⁶ El Viajero Bustamante. 1956. P. 34.

³⁷ Vásquez 1976. P.165.

газеты сразу нашли много общего в этом документе с идеями социалистов и коммунистов, проникавших в Перу из Европы. «Heraldo de Atequira» обвинила Бустаманте и его движение в стремлении «установить в Перу коммунизм»³⁸.

Однако судьба Бустаманте и индейского восстания была печальна. Армия подавила плохо вооруженные отряды крестьян-индейцев, захватив их вождя. 2 января 1868 г. в городке Пуси его публично пытали, а затем казнили. Смерть ждала и его сподвижников. Трагическая гибель Бустаманте и жестокая расправа над восставшими превратила его в легенду, в почти «святого» в исторической памяти индейцев Перу.

Для формирования взглядов Бустаманте огромное значение имел опыт и знакомство с реалиями Европы и Азии, и не в последнюю очередь России. В нем сочетались консервативно-патерналистские взгляды с передовыми гуманистическими и даже социалистическими идеями. Парадоксальность взглядов Бустаманте выделяет его среди политиков и мыслителей Латинской Америки XIX века. В нем было редкое сочетание милленаристских, индеанистских взглядов, романтизма и социального утопизма с оправданием российского самодержавия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М.: Наука, 1986. [Alperovich M.S. Fransisko de Miranda v Rossii. M.: Nauka, 1986]
- Щелчков А.А. Предшественник перуанского социализма Хуан Бустаманте // Латиноамериканский исторический альманах. № 11. 2011. С. 180-208. [Shchelchikov A.A. Predshestvennik peruanskogo socializma Huan Bustamante // Latinoamerikanskij istoricheskij almanah. № 11. 2011. S. 180-208]
- Abramson P.-L. Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México: FCE, 1999.
- Abreu e Lima J.I. El Socialismo. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 2010.
- Alberdi J.B. Obras selectas. Vol.10. Buenos Aires: La Libertad, 1920.
- Bilbao F. El evangelio americano y páginas selectas. Barcelona: Maucci, 1920.
- Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles, políticas y religiosas con las noticias adquiridas en este segundo viaje a la Europa. Paris: Impr. de Lacampre, 1849.
- Bustamante J. Viaje al viejo mundo, por el peruano Juan Bustamante, natural del departamento de Puno. Lo dedica a sus compatriotas. Lima: Impr.Masías, 1845.
- Bustamante J.A. El peruano Juana Bustamante. Primer viajero sudamericano alrededor del Mundo. Precursor del socialismo peruano, luchó por la raza aborigen hasta la muerte, resumen de su labor. Lima: s/d, 1975.
- Calsín Anco R. Bustamante el Precursor. Juliaca: s/d, 2008.
- El Viajero Bustamante, primer viajero sudamericano alrededor del mundo. Lima: Impr. Y publicidad, 1956.
- Lastarria J.V. América. Vol.1. Madrid: América, 1916.
- Pérez Rosales V. Recuerdos del pasado. 1814-1860. Santiago de Chile: Gutenberg, 1886.
- Rodríguez S. Sociedades americanas. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 1990.
- Sobre Rusos y Rusia. Antología documental / Enrique Arriola Woog (coord.) México: Lotería nacional, 1994.
- Vásquez E. La rebelión de Juan Bustamante. Lima: Juan Mejía, 1976.

³⁸ Calsín Anco 2008. P. 80.

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru

Latin American View of the Russian Empire in the 19th Century

Latin America is one of the most remote from Russian regions in the world. Our relationships were established only in the twentieth century. Before that, despite the huge mutual interest, contacts between the Russians and the South Americans were insignificant, and the reason was not only geographical, but also political obstacles, in particular the persistent refusal of the Imperial government of St. Petersburg to recognize the American Republic, the former “rebel” province of the Spanish monarchy. Meanwhile, there was a great interest to Russia on the part of Latin-Americans. Only a few of them were able to see the real Russian Empire with their own eyes. Only the prominent Peruvian social activist and revolutionary, Juan Bustamante, one of the forerunners of socialism visited our country, and remaining fascinated not only by country, but, paradoxically, by its political system. Such an original view on the Russian Empire sharply distinguishes Bustamante from his European contemporaries.

Keywords: Latin-American’s liberalism, Russian America, Juan Bustamante, autocracy, romanticism, utopian socialism

Andrej Shchelchikov, Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru